

УДК 167

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГИПОТЕЗ В ЛИНГВИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЗЗРЕНИЙ Б.Л. УОРФА)

© 2013 г.

С.В. Шибаршина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

skolar@bk.ru

Поступила в редакцию 10.03.2013

Рассматривается использование гипотезы в языкознании на примере работ американского лингвиста Б.Л. Уорфа о языке, культуре и мышлении. Отмечается, что им разрабатывался сложный комплекс идей, который неправомерно сводить к так называемой «гипотезе Сепира – Уорфа». Труды Б. Уорфа рассматриваются как удачная иллюстрация двух характерных для гуманитарных наук тенденций: следование критериям научности и одновременно отход от строгости научного изложения и аргументирования.

Ключевые слова: гипотеза в лингвистике, гипотеза Сепира – Уорфа, лингвистическая относительность, лингвистический детерминизм, язык и мышление, размытое понятие.

Гипотеза в лингвистике, как и в других науках, обладает двумя типами свойств. Во-первых, она содержит признаки, являющиеся постоянными для гипотезы вообще, независимо от научной области, в рамках которой она выдвигается. Во-вторых, лингвистическая гипотеза имеет некоторые специфические черты, свойственные ей как форме особого типа знания, наличествующего в лингвистике.

Самой существенной инвариантной чертой гипотезы независимо от типа науки является предположительный характер выражающегося в ней знания. Гипотеза в методологии лингвистики рассматривается как предположение, выдвигаемое для объяснения каких-либо фактов; объяснение, доказанное лишь с определенной степенью вероятности [1, с. 3]. При этом не совсем понятны критерии отнесения к гипотезам тех или иных лингвистических утверждений. Данное понятие в языкознании связывают с очень широким кругом явлений: начиная от частных научных утверждений (типа предположения о какой-либо конкретной этимологии слова) до целых сложных теоретических комплексов, которые практически всегда и всеми именуется «гипотезами» (например, «гипотеза Сепира – Уорфа»).

Среди общих черт называют также одинаковый тип логической структуры гипотез в науках разного типа (посылки, основное предположение, следствия и связывающее все эти компоненты отношение выводимости) [2, с. 76]. Здесь мы считаем важным внести уточнение: не все исследователи придерживаются вышеуказанно-

го правила. Дело в том, что для дисциплин гуманитарного цикла вполне применимо – по крайней мере, на данном историческом этапе – широкое понимание гипотезы как «предположения» и даже «предвзятой идеи». Это же относится и к понятию «теория», которое в социально-гуманитарных науках не всегда используется в строгом терминологическом смысле. В некоторых случаях речь идет скорее о теории в широком смысле, то есть концепции, совокупности взглядов мыслителя, направленных на объяснение, интерпретацию чего-либо и не связанных жесткой дедуктивной последовательностью и доказательностью [3, с. 25]. Отсюда вполне естественно, что понятийный аппарат социально-гуманитарных наук может быть нагружен риторическими фигурами, и это затрудняет распознавание в них гипотетического конструкта. Исследователи не всегда следуют здесь критериям состоятельности научной гипотезы (о которых мы писали в одной из предыдущих работ [4, с. 125–126]), а порой и вовсе излагают свои мысли в традициях литературно-публицистических жанров. Это заставляет нас напомнить о необходимости четкого различия понятий «социально-гуманитарное знание» и «научное социально-гуманитарное знание». Первое включает в себя результаты научного исследования, но не сводится к ним, поскольку предполагает также иные, вненаучные формы творчества. Второе же ограничивается только рамками научного исследования [5, с. 137].

Для иллюстрации вышесказанного рассмотрим идеи Бенджамина Ли Уорфа (Benjamin Lee

Whorf) о языке, культуре и мышлении, которые были неправомерно, на наш взгляд, объединены в так называемую «гипотезу Сепира – Уорфа». Свое название она получила по именам двух американских лингвистов – Э. Сепира (1884–1939) и его ученика Б. Уорфа (1897–1941). Последний, как считается, развил мысли своего учителя о воздействии языка на формирование системы представлений об окружающем мире [6]. На самом деле здесь мы имеем дело с «вкладом» различных авторов: изначальные мысли незаурядного исследователя, как справедливо отмечает Д. Элфорд, пройдя несколько уровней «фильтрации» (часто его критики обсуждали не оригинал, а «Уорфа» в изложении других критиков), видоизменялись в зависимости от интерпретатора [7, р. 489]. Например, заявлялось, что «гипотеза Сепира – Уорфа» состоит фактически из двух утверждений. Первое было названо «лингвистической относительностью»: в разных языковых сообществах мир по-разному переживается и чувствуется. Второе закрепилось в науке под именем «лингвистического детерминизма»: структура родного языка сильно влияет или даже полностью определяет мировоззрение носителя [8, р. 41].

Сам термин *the Sapir-Whorf hypothesis*, возможно, был впервые использован Гарри Хойером в 1954 г. [9], в то время как Б. Уорф писал о «принципе лингвистической относительности» (*the principle of linguistic relativity*), сформулировав его в работе «Лингвистика как точная наука» (*Linguistics as an Exact Science*, 1940) [10, р. 221]. На наш взгляд, этот принцип скорее является частью сложного комплекса идей, развиваемых Б. Уорфом. Исходя из вышесказанного, далее по тексту мы в отношении самого Б. Уорфа будем придерживаться словосочетания «принцип лингвистической относительности», а под «гипотезой Сепира – Уорфа» будем иметь в виду некоторое историческое образование, имеющее нескольких авторов.

Почему мы выбрали для анализа лингвистические взгляды Б. Уорфа? Как нам представляется, его труды в области языкознания – это удачная иллюстрация двух характерных для гуманитарных наук тенденций: попытка быть «научным» и одновременно отход от строгости научного изложения и аргументирования. Уорф интересен и тем, что высказывал достаточно смелые предположения в то время, когда многие исследователи опасались выходить за рамки «реальной науки», под которой тогда понимался бихевиористский подход. Он привлекал идеи из гештальт-теории, проводил смелые аналогии с идеями современной физики (Уорф сравнива-

ет лингвистическую относительность с принципом общей относительности А. Эйнштейна и, возможно, формулирует сам принцип по аналогии с эйнштейновским) [11, р. xvi].

С одной стороны, Б. Уорф, говоря об относительности форм, в которые облекается мышление, создает первое профессиональное по сравнению со своими предшественниками систематическое исследование, в котором отличия между несхожими типами мировоззрений объясняются отличиями в грамматике и лексике языков [12]. В самом деле, ему удалось отойти от общих спекуляций: он приводит многочисленные примеры из хопи, нутка, квакиутль, шауни и прочих индейских языков, свидетельствующие, по его мнению, о том, что национальные различия мышления обусловлены различиями языковых форм. Языки американских индейцев он сравнивает с SAE – «среднеевропейским стандартом», куда включает европейские языки, за возможным исключением балтославянских. Основой сравнения становятся выражения понятий времени и пространства в SAE, с одной стороны, и в языке индейцев хопи – с другой. Он показал, что в последнем нет слов, обозначающих периоды времени, таких как мгновение, час, понедельник, утро, и хопи не рассматривают время как поток дискретных элементов. Также Уорф проследил, как соотносятся грамматические и лексические способы выражения времени в разных языках с поведением и культурой носителей. Его выводы имели поистине релятивистский характер: «различные широкие обобщения западной культуры, как, например, время, скорость, материя, не являются существенными для построения всеобъемлющей картины вселенной», «управлять космологией могут и другие категории» [13, с. 210]. Он делает и другие интересные выводы о том, что мы не можем описывать природу абсолютно независимо, поскольку связаны «с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными». «Человеком, более свободным в этом отношении, чем другие», по его мнению, «оказался бы лингвист, знакомый со множеством самых разнообразных языковых систем» [13, с. 214]. Мы находим эти утверждения весьма любопытными и заслуживающими внимания. Тем не менее следует упомянуть и не менее весомую критику в отношении конкретных примеров, которые приводит Уорф. В 1983 году Э. Малотки опубликовал книгу, где содержится предложение на языке хопи и его перевод на английский, из которого явствует, что категории времени в хопи все-таки есть. Казалось, тем самым Малотки

полностью перечёркивает выводы Уорфа, но с учетом того, что между выходом работ Уорфа и Малотки прошло почти 50 лет, можно предположить, что за это время в языке хопи могли произойти изменения под влиянием английского [14].

Другой знаменитый пример, приводимый Уорфом, связан с количеством слов для обозначения снега в разных языках. Цитируя своего учителя Боаса, он говорил, что в эскимосских языках используются разные слова для обозначения разных видов снега, а в английском все они объединены в одном – ‘snow’. Указанные языковые данные были подвергнуты уничижительной критике, как не отвечающие действительности: в английском языке для обозначения снега используются также sleet («снежная крупа»), slush («мокрый снег»), blizzard («метель»), avalanche («лавины»), hail («град»), hardpack («наст»), powder («пороша»), flurry (шквал), dusting (поземка) [15, с. 53]. Отметим, однако, что не все эти слова непосредственно относятся к снегу – смысл некоторых зависит от контекста (powder, flurry).

Что касается других работ Б. Уорфа по лингвистике, посвященных языкам Мезоамерики (попытки дешифровки и лингвистическая интерпретация письменности майя, подробные лингвистические описания языков ацтеков, хопи, шауни и других американских индейцев, и т.д.), здесь он работает в рамках строгих формальных процедур сравнительно-исторической и дескриптивной лингвистики. В частности, им сформулирован звуковой закон в юто-ацтекских языках, который с необходимыми уточнениями был принят лингвистами как «закон Уорфа» [16]. С другой стороны – речь пойдет о работах Б. Уорфа в области философии языка, – свои положения он формулирует, как справедливо замечает Р.М. Фрумкина, в виде «размытых понятий» [17, с. 198]. Даже ключевые для своей концепции термины «язык» и «мышление» он употребляет очень нечетко, нестрого, что дает основание разным исследователям проблемы лингвистической относительности по-разному истолковывать его идеи.

Тем не менее выскажем несколько аргументов в защиту Б. Уорфа. Во-первых, вряд ли бы он смог дать понятиям «язык» и «мышление» исчерпывающие, точные определения, которые устроили бы всех. Вообще, однозначность и строгость терминов представляет собой особую проблему в социально-гуманитарных науках. Во многом это вызвано спецификой их объекта исследования: большей сложностью строения, множественностью существования с его плана-

ми (смысловым, семиотическим, операциональным и т.д.) и множественностью областей его употребления, а также «историзмом» (в том смысле, что это исторически развивающийся объект, в разное время интерпретируемый по-разному) и т.п. Отсюда наличие большого числа неустраиваемых «размытых» (не дефинируемых четко) понятий. Б. Уорф, тем не менее, пытается объяснить, что он понимает под «языком» и «мышлением», в своей обобщающей работе ‘Language, Mind and Reality’ (правда, в терминах индийской философии, что, по-видимому, не удовлетворило его критиков), о чем мы будем говорить ниже. Это явилось проблемой и для последующих исследователей, обсуждавших и пытавшихся проверить экспериментально «гипотезу Сепира – Уорфа», что сложно сделать с общей формулировкой и неуточненными терминами. Попытки же модифицировать ее, сделать более определяемой (например, вместо указанных понятий использовать «языковую картину мира» – понятие с таким же неопределенным статусом) пока также не решили свою задачу. Даже сейчас, насколько нам известно, несмотря на множество подходов к определению «мышления», «сознания», однозначными эти понятия стали. К тому же более строгие формулировки делали проблему менее масштабной и, как следствие, снижали интерес к ней.

Относительно «размытых понятий» отметим, что они необходимы в процессе получения нового знания – в том смысле, что при обсуждении новой проблемы сложно ограничивать себя точными понятиями и строгими правилами дедукции, которые ограничивают живую мысль. Уорф не дал им точных научных определений и в дальнейшем; однако напомним, что этому могли помешать личные обстоятельства его жизни. Хотя он и начал изучение языка как независимый исследователь еще в 1920 г., более «научное русло» его работа взяла после встречи с Э. Сепиром в 1928 г. Многие же идеи в области философии языка он выработал в последние годы жизни. Даже само словосочетание «лингвистическая относительность» появляется в его поздних работах. Не говоря уже о том, что он прожил не настолько долгую жизнь, чтобы успеть ответить напрямую своим критикам хотя бы «первого потока» (50-е гг.).

Напомним, что свое положение об обусловленности поведения людей языком Уорф пытается подкрепить также собственными практическими наблюдениями, сделанными во время работы в обществе страхования от огня. Приведем ставший хрестоматийным пример с пусты-

ми бензиновыми цистернами. Так, расследуя случаи возгорания на складах, он обратил внимание, что люди никогда не курят рядом с полными бензиновыми цистернами, но рядом со складом с названием 'empty gasoline drums' («пустые цистерны из-под бензина») работники ведут себя иначе: неосторожно, курят и небрежно бросают окурки, – при том, что «пустые» цистерны могут быть более опасными. По мнению Уорфа, такое поведение вызвано словом empty (пустые): даже зная, что бензиновые пары в цистернах более взрыво- и пожароопасны, чем просто бензин, люди расслабляются. На основе этой и других подобных иллюстраций Уорф делает вывод о влиянии языка на человеческое мышление и поведение [12, р. 135].

Разумеется, противники Уорфа прошли основательной критикой и по этим его наблюдениям, которые, действительно, сложно принять всерьез с точки зрения строгой научности; не говоря уже о том, что из его примеров можно сделать совершенно противоположные выводы. Среди недостатков жизненных наблюдений отметим следующие: «естественные» условия наблюдения не контролируются, объекты наблюдения не выбираются по специально заданным предварительно параметрам (мы не знаем точной статистики (количество объектов и случаев), не имеем никакой информации, что это за люди, и пр.). Конечно же, интерпретации здесь могут быть различными.

Мы бы хотели добавить несколько слов о стиле изложения Б. Уорфа. В частности, в статье «Наука и языкознание» (Science and linguistics, 1940), он, по нашему мнению, совсем не эксплицирует свои мысли как гипотезы, не использует маркеры гипотетичности типа «на мой взгляд», «возможно», «может» и т.п. Напротив, он весьма категоричен и порой позиционирует свои выводы как аксиомы: 'It was found that the background linguistic system (in other words, the grammar) of each language is... the shaper of ideas, the program and guide for people's mental activity...' [18, р. 212] («Было установлено, что основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) [...] формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума...»). Здесь сразу возникает желание возразить: неужели это действительно было кем-то установлено, и если да, то кем и когда? Но ссылок на конкретные исследования ученых об этом Уорф не приводит. Далее: 'Formulation of ideas is... part of a particular grammar'; 'We dissect nature along lines laid down by our native

languages'; '... the world is presented in a kaleidoscopic flux of impressions'; '...we are parties to an agreement to organize it in this way...' («Формирование мыслей – это... часть грамматики того или иного языка»; «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком»; «...мир *предстает* перед нами как *калейдоскопический поток* впечатлений», «... мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию») [18, р. 212–213; 13, с. 209] и т.п. Опять же мы видим ряд категоричных, общих утверждений, в которых трудно распознать гипотетические конструкты, хотя нам и понятно, что подобные выводы являются предположениями, осознает это сам Уорф или нет. При этом Уорф не эксплицирует этапы своей мыслительной деятельности, которые могли бы, возможно, оправдать в какой-то мере его категоричность. Подобная «аксиоматичность» суждений, на наш взгляд, присуща большинству работ Уорфа, в которых рассматривается проблема отношений языка, мышления и культуры.

Касательно нестрогих формулировок отметим, что они позволили сохранить масштабность проблемы, а предложенный Уорфом «принцип лингвистической относительности» вполне можно отнести к так называемым «гипотезам-теориям» (термин П.В. Копнина), которые мы бы охарактеризовали как ряд взаимосвязанных гипотез, обладающий признаком системности. «Гипотезы-теории» касаются кардинальных проблем языкознания – взаимоотношения языка и мышления, языка и действительности, проблем порождения речи, общей организации языка, признаков человеческого языка вообще и т.п. Что естественно, в лингвистике они представлены в небольшом количестве: над ними сложно работать, они непросто формулируются и проверяются, требуют обращения к данным других наук. Тем не менее они необходимы, ибо, подтвердившись, способны превратиться в теории.

Квинтэссенцией взглядов Б. Уорфа на язык и мышление стала, по нашему мнению, обобщающая работа «Язык, мышление и действительность» (Language, Mind, and Reality, 1941), впервые напечатанная – по воле самого исследователя – в журнале The Theosophist [19] и отмеченная смелым использованием концепций и понятий восточной философии и теософии. Здесь он формулирует нечто большее, чем «принцип лингвистической относительности», но предпочитает эту идею, по собственному выражению, «оставить без названия», поскольку она «слишком радикальна/глубока» ('too drastic to be

penned up in a catch phrase'). Возможно, он имел в виду, что она в корне отличается от всего того, что выработано в европейской философской и научной мысли, и, вообще, раз уж речь идет о языке, ее просто сложно точно определить понятиями SAE. По его словам, она представляет собой точку зрения, согласно которой ноуменальный мир «ждет своего открытия всеми науками» [20, р. 170], которые должны «объединиться» в этом «безымянном» мировоззрении.

Также Уорф описывает здесь мышление и его отношение к языку, подводя итог своим исследованиям в данной области. Он говорит о том, что формы мыслей человека находятся под контролем неумолимых законов структур, которых он не осознает, – сложных невосприимчивых систематизаций, проделанных тем или иным языком, что хорошо видно при сравнении различных языков, особенно если они из разных семей. И каждый язык является некоей структурой, искусственно располагающей формы и категории, с помощью которых личность не только общается, но и посредством которых происходит анализ природы, замечаются или игнорируются типы отношений и явлений, направляются рассуждения, и которыми личность «строит дом своего сознания». Здесь Уорф активно привлекает понятия индийской философии, объясняя, что для используемого им термина «язык» ('language') самым близким эквивалентом будет Мана́с (Manas), которому, по его мнению, вряд ли соответствует английское 'mind' («разум», «ум») [20, р. 173, 174]. Подробнее останавливаться на развиваемых здесь идеях нам не позволяют рамки данного исследования, поэтому перейдем непосредственно к выводам, сделанным нами в ходе изучения истории «гипотезы Сепира – Уорфа», а также трудов самого Б. Уорфа.

В изложении своих позиций Б. Уорф, по образованию и по сфере деятельности инженер-химик, несомненно, во многом следует нормам научного исследования. Он одновременно применяет формальный аппарат современной ему лингвистической науки, приводит много примеров из различных языков, а также из поведения людей, пытается систематически разработать проблему отношений между языком, мышлением и культурой. Однако во многом он отходит от требований научности: использует не точно определяемые понятия, не строгие формулировки, привлекает термины и концепции индийской философии, метафорические выражения (типа 'the personality... builds the house of his consciousness') и т.п. Возможно, он пытается объединить философию и науку, понимая, что

даже самые оригинальные мысли должны опираться на практику, и при этом одними научными «истинами» не исчерпать сложности мира. В целом, отметим, что каждому автору свойственен свой стиль, и, на наш взгляд, своеобразная попытка Уорфа быть «на обеих сторонах» заслуживает нечего большего, чем обвинения в непроверяемости.

Мы бы сказали, что идеи Уорфа стали той базой, на которой другие исследователи предпринимают попытки построить научную теорию. Можно считать его сформулировавшим общую задачу исследований и выдвинувшим некоторый набор гипотез, не ориентированных непосредственно на проверку в экспериментах. В этом контексте мы предлагаем воспринимать его принцип лингвистической относительности как начальное звено для последующей цепочки: формулировка рабочей гипотезы и вывод из нее экспериментально проверяемых следствий; формулировка выводов и внесение изменений в первоначальные представления; возникновение новых гипотез и т. д. Правда, здесь надо учесть и то, что статус «гипотезы Сепира – Уорфа» длительное время не был выявлен, отсюда неудивительно, что разные авторы выводили из нее разные следствия, как бы не замечая, что на самом деле они заменяют исходную гипотезу и работают с другой. В настоящее время, как это следует из анализа современной литературы (преимущественно англоязычной), делаются попытки уточнить, что на самом деле хотел сказать Б. Уорф, и рассматривать его идеи на основе комплексного подхода, с применением современных достижений в нейролингвистике, когнитивной лингвистике, антропологии и других отраслях научного знания, с опорой на экспериментальную базу.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Введение // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 3–13.
2. Постовалова В.И. Лингвистическая гипотеза в аспекте науковедения // Гипотеза в современной лингвистике. Монография; ред. Ю.С. Степанов. М., 1980. С. 14–89.
3. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 560 с.
4. Шибаршина С.В. Гипотеза в социально-гуманитарных науках // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. № 2 (22). Н. Новгород, 2011. С. 124–129.
5. Норкус З.Б. Анализ методологии «наук о культуре» Макса Вебера // Гуманитарное знание: сущность и функции: Межвузовский сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. С. 137–148.

6. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира – Уорфа [Электронный ресурс] // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/zvegintsev-60a.htm>
7. Alford D.K.H. The Demise of the Whorf Hypothesis (A Major Revision in the History of Linguistics) // Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, Vol. 4, 1978. P. 485–499.
8. Cole M., Scribner S. Culture and Thought: A Psychological Introduction. New York: John Wiley & Sons, 1974. 227 p.
9. Hoijer H. The Sapir-Whorf Hypothesis // Language in culture: Conference on the interrelations of language and other aspects of culture. Hoijer, Harry (Ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1954. P. 92–105.
10. Whorf B.L. Linguistics as an Exact Science // Whorf B. L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956. P. 220–232.
11. Lee P. The Whorf Theory Complex: a Critical Reconstruction. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1996. 323 p.
12. Whorf B.L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Whorf B.L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. Cambridge, MA: MIT Press, 1956. P. 134–159.
13. Уорф Б.Л. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Уорф Б.Л. Языки как образ мира. М: Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 202–219.
14. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. № 8. 2011. URL: <http://elementy.ru/lib/431410>
15. Пинкер С. Язык как инстинкт: Пер. с англ. / Общ. ред. В.Д. Мазо. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
16. Whorf B.L. The Origin of Aztec Tl // American Anthropologist, 1937. Vol. 39 (2). P. 265–274.
17. Фрумкина Р.М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике) // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 183–216.
18. Whorf B.L. Science and Linguistics // Whorf, B. L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956. P. 207–219.
19. Whorf B.L. Language, Mind and Reality // Theosophist, 1942, 63 (1). P. 281–291.
20. Whorf B.L. Language, Mind and Reality // ETC, A Review of General Semantics, 1952, 9. P. 167–188.
21. Alford D.K.H. Is Whorf's Relativity Einstein's Relativity? // Proceedings of the Berkeley Linguistic Society. 1981, 7. P. 13–26.

**METHODOLOGICAL ANALYSIS OF HYPOTHESES IN LINGUISTICS
(ON THE EXAMPLE OF B.L. WHORF'S VIEWS)**

S.V. Shibarshina

The article deals with the use of the hypothesis in linguistics. As an example, B.L. Whorf's works on language, culture and thought are considered. It is noted that he developed a complex set of ideas which cannot be reduced to the so-called 'Sapir-Whorf hypothesis'. His essays are regarded as a good illustration of the two typical tendencies in humanities research – adherence to scientific approach and at the same time a deviation from the rigour of scientific presentation and reasoning.

Keywords: hypothesis in linguistics, Sapir-Whorf hypothesis, linguistic relativity, linguistic determinism, language and thought, diffuse notion.